

Сюзанна Фостова

«Молодой цветущий край»:

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА КАЛИНИНГРАДА В ФОТОДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Suzanna Fostova

“Young Blooming Land”: Features of the Representation of the Urban Landscape of Kaliningrad
in Photographic Documents of the Soviet Era

Сюзанна Фостова (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, соискатель уч. степени к.и.н.; Калининградская областная научная библиотека) fostsa@gmail.com.

Suzanna Fostova (Applicant for a degree, Immanuel Kant Baltic Federal University; Kaliningrad Regional Scientific Library) fostsa@gmail.com.

Ключевые слова: советская история, Калининград, образ города, открытка, фотоальбом

Key words: Soviet history, Kaliningrad, image of the city, postcard, photo album

УДК: 316.7 + 316.334.56; 77

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_132

UDC: 316.7 + 316.334.56; 77

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_132

В статье на примере советских видовых открыток, фотоальбомов и любительских фотографий рассматриваются особенности визуальной репрезентации Калининграда, до 1945 года известного как Кенигсберг. Автор обращает внимание на истоки формирования образа города, во многом обусловленные общей тенденцией на «изгнание» всего немецкого с новой советской территории, а также новым городским строительством. Рассматриваются способы конструирования облика типичного советского города и нивелирования исторического немецкого ландшафта. Кроме того, сравниваются изображения, прошедшие идеологические фильтры, с любительскими неформальными фотографиями. Открытки и официальные альбомы были включены в систему пропаганды и направлены на создание советской идентичности, тогда как любительские снимки чаще демонстрировали проступающие следы немецкой культуры и выявляли многослойность города.

Using the example of Soviet postcards, photographic albums, and amateur photography, this article examines the distinctive features of the visual representation of Kaliningrad, which until 1945 was known as Königsberg. The author pays special attention to sources of the formation of the image, its connection with general tendencies to “expel” everything German from the new Soviet territory, as well as the construction of the city. The methods of constructing the appearance of a typical Soviet city and levelling the historical German scape are examined. In addition, images that have gone through an ideological filter are compared with amateur informal photographs. A conclusion is drawn about the role of postcards and albums in the propaganda system and the goals it was pursuing.

Незадолго до образования Калининградской области образ территории, где ей предстояло возникнуть, имел исключительно негативные черты, закрепленные риторикой военного пятилетия. Восточная Пруссия представлялась милитаризованным немецким форпостом, с XIII века покушавшимся на славянские земли. Красочности образу добавляло использование зооморфной метафоры, с помощью которой Пруссия превращалась в «логово, берлогу, питомник (осиный, змеиный, звериный, разбойничий)» [Сологубов 2011: 78].

Визуально эта конструкция соединялась с опустошенной землей и городами, лежащими в руинах. Однако сложившийся позднее канонический нарратив о тотально, якобы на девяносто и более процентов, разрушенных городах, уничтоженных предприятиях, взорванных электростанциях и затопленных полях [Коновалов 1967: 4—5] был следствием сознательного преувеличения. Таким способом ликвидировался вопрос о немецком наследии и создавался выгодный фон, на котором любые восстановительные работы в области смотрелись как свидетельства грандиозных успехов [Костяшов 2009: 12].

Строительство Калининграда шло под лозунгом «изгнания прусского духа» и создания «молодого цветущего края, что раскинулся на южном побережье Балтийского моря» [Коротких, Попов 1978: 5]. Изгнание выразилось в перепланировке города, ликвидации немецких монументов, сносе культовых сооружений, изменении функционального назначения зданий, изменении топонимики и особой интерпретации истории региона до 1945 года.

Изменения городского ландшафта не всегда происходили во имя уничтожения немецкого. Учитывались и соображения безопасности, ресурсной необходимости или практические потребности: например, когда планомерно взрывались и разбирались здания, грозящие обвалами и гибелью гражданского населения, демонтировались заводы или уцелевшие конструктивные части сооружений, применимые для возведения других объектов, а парки и кладбища использовались как пастбища вне всякой политической подоплеки [Манюк 2015: 71].

Рука об руку со становлением области шло ее освоение, в котором визуальные образы приобретали растущую значимость [Баранова 2018: 135]. На формирование визуальной репутации советского Калининграда повлияло геополитическое положение области как «мирного форпоста Страны Советов» [Яшин 1988], впрочем, наделенного закрытым статусом. Среди пунктов секретного приказа, детерминировавшего ограничения для граждан, был запрет на любые фото- и кинематографические съемки области, который был введен 5 сентября 1946 года [Костяшов 2009: 16]. Фотографировать было возможно при наличии официального разрешения. Это, а также сравнительно небольшое распространение индивидуальных фотоаппаратов среди жителей города обусловило то, что снимков Калининграда 1940—1950-х годов гораздо меньше по сравнению с последующими десятилетиями. Вместе с тем существовали также альтернативные, более ремесленные способы фиксации действительности. Например, первый архитектор-строитель Калининграда А.В. Максимов урывками рисовал руины Кенигсберга, понимая, «что скоро история потеряет навсегда этот апофеоз войны» (цит. по: [Овсянов 1997: 319]). Впрочем, его акварели обрели известность уже в постсоветское время.

Существенную роль в формировании визуального образа города после Второй мировой войны сыграли видовые открытки. В распоряжении автора оказались 135 открыток, одна часть которых была собрана сотрудниками Центра социально-гуманитарной информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта, а другая находится в фонде Калининградской областной научной библиотеки. Хронологически открытки покрывают период с 1955 по 1988 год. Количественно они распределены неравномерно. Так, 55 процентов открыток из коллекции были напечатаны в 1980-е годы. И у этой асимметрии есть историческое объяснение. Распространение открыток в области напрямую зависело от темпов восстановления города, а также формирования архитек-

турного и скульптурного канонов, куда бы входили не запрещенные к показу, желательные ценные или примечательные объекты, регламентированные политикой «изгнания прусского духа».

Видовые открытки должны были транслировать привлекательный образ города, но это было объективно невозможно вплоть до начала 1960-х годов, пока в Калининграде не просто возродилась, но заново рождалась городская среда. Причем происходило это в отсутствие связи между умозрительными бумажными проектами и реальными возможностями, когда сохранившиеся фрагменты подлежали демонстративной замене, хотя в большинстве случаев — переделке, перемене функции, а то и маскировке.

Субъективный список подходящих для тиражирования объектов сформировался в процессе работы по выявлению исторических памятников, постановки их на учет, проводимой лишь в 1950—1960-е годы [Кретинин 2015: 65]. Актуализировал разработку туристической продукции и тот факт, что в 1966 году Калининград был включен во Всесоюзный туристический маршрут [Бродерзен 2006: 112].

Архивные документы фиксировали случаи частного распространения калининградских открыток, а также то, что их печать и продажа санкционировалась официальными органами. Так, на рынках области в 1950 году частными лицами продавались открытки с различными изображениями и надписями, представлявшими, по мнению цензуры, идеологический брак. Обнаруженные открытки были конфискованы и уничтожены. Мероприятие было проведено через органы милиции, а книжным магазинам и киоскам Союзпечати было настоятельно рекомендовано продавать фотооткрытки, только «если на них проставлены разрешительный номер органов цензуры, издательская марка и цена»¹.

Цензурирование открыточной продукции осуществлялось Главным управлением по делам литературы и издательств, на первых калининградских открытках сохранились данные о цензоре-литовальщике и номере рецензируемого издания за год. Насколько цензоры были чувствительны к формируемому образу, можно определить на примере отчета обллита за 1968 год, где указывалось, что 3 января 1968 года в местной газете было помещено клише с подписью «Зима в Калининграде». На клише на первом плане была изображена немецкая кирха на фоне заснеженных деревьев, отчет же сообщал, что «для города Калининграда не может быть характерным изображение немецкой кирхи». По указанию секретаря горкома КПСС М.П. Нетреба клише было снято².

В результате подобной регламентации возникала нехватка сувенирной продукции, потребность в которой оставалась актуальной и позже. В 1970 году в региональной прессе язвительно отмечалось, что «в Калининграде продают видовые почтовые открытки только двух видов (областной театр и площадь Победы), да и то не лучшего качества», а между тем «имеется много прекрасных мест и зданий, которые при желании можно было бы отобразить на почтовых открытках» [Там же: 112]. Выпуск новых открыток удостаивался большого внимания, объявление о выпуске новых экземпляров помеща-

1 Государственный архив Калининградской области (далее — ГАКО). Ф. Р-232. Оп. 6. Д. 6. Л. 15.

2 Там же. Л. 26.

лось в газетах, а краеведов призывали собирать и беречь «визитные карточки» города³.

Согласно архивным данным, в 1954 году было выпущено 14 наименований открыток с видами курортов⁴. В 1956 году тиражность увеличилась до 48 наименований фотооткрыток и 33 наименований фотографических видов общим тиражом 178 тысяч экземпляров⁵. К 1980-м годам видовое разнообразие открыток заметно умножилось, а издание только одного набора открыток составляло в среднем 200 тысяч экземпляров.

Примечательно, что в условиях цензурирования и артикулированной нехватки сувенирных изображений их создатели старались сделать все, что могли в существующих условиях, чтобы включать самые разные объекты. Например, чтобы избежать прямого показа немецких сооружений, фотографии запечатлевали на переднем плане скверы, чья густая растительность скрывала, но не полностью блокировала характерные фасады. На некоторых изображениях выручала смена ракурса. Так, фотографировать Ленинский проспект со стороны Южного вокзала до конца 1960-х годов приходилось не напрямую, с ровной перспективой, а немного слева, иначе в кадр бы попали руины печально известного Королевского замка — знакового сооружения, с которого в XIII веке начинался город и которое после бомбардировки 1944 года простояло до 1967 года, когда и было показательно взорвано в честь 50-летия Октябрьской революции.

Тем не менее иногда прямая демонстрация нежелательного немецкого наследия оказывалась неизбежной. В некоторых открытках для расстановки верных акцентов использовался текст описания на обратной стороне. Так, изображение, в самом центре которого видны руины все той же доминанты Кенигсберга — Королевского замка, — озаглавлено «Калининград. Дом профсоюзов», что призвано переориентировать внимание зрителя на советскую постройку. Подобный прием был использован и с кирхой Святого Семейства, в советское время ставшей областной филармонией.

Часть зданий была интегрирована в единое идеологическое пространство посредством добавления советской символики. Например, зданию кенигсбергской ратуши, построенной в духе конструктивизма, сопутствовал памятник Ленину на фоне развевающихся красных знамен, размещенных на трибунах. Аскетичная архитектурная форма говорила о своем происхождении лишь специалистам, для рядового потребителя вид был безупречен. Здание бывшей биржи было перекрашено в контрастный голубой цвет и увенчано большой надписью: «Дом культуры моряков». Кирха памяти королевы Луизы, которая была функционально преобразована в театр кукол, часто выступала фоном для группы школьников выпускного класса в форме с красными лентами. В ряде случаев достаточно было атрибутировать изображение как «административное здание», что у советского гражданина ассоциировалось с горкомом, обко-

3 См.: Дарьялов А. Визитная карточка города // Калининградская правда. 1985. 13 января. С. 1; Васильева В. «Визитные карточки» края // Калининградская правда. 1986. 23 марта. С. 4; Борисов Г. Почтовые сувениры // Калининградская правда. 1986. 4 сентября. С. 4; Дарьялов А. Визитная карточка города // Калининградская правда. 1985. 27 ноября. С. 4; Андреева Т. Фоторассказ о Калининграде // Калининградская правда. 1987. 9 июля. С. 4.

4 ГАКО. Ф. Р-232. Оп. 6. Д. 6. Л. 9.

5 Там же. Л. 7.

мом и другими структурами КПСС. Хотя это могли быть и все та же кенигсбергская ратуша, и Земельное финансовое управление Восточной Пруссии. Тем не менее в символическом смысле актуальное советское перевешивало историческое немецкое.

С каждым новым десятилетием тематическое разнообразие открыток росло. В первую очередь это происходило за счет ввода в эксплуатацию новых советских объектов: эстакадный мост, гостиница «Калининград», памятник землякам-космонавтам, детский городок в зоопарке, дворец спорта «Юность», знак поясного времени, новые жилые кварталы и т.д. Однако в 1970-е годы в перечне появляются и надолго закрепляются бывшие немецкие фортификационные сооружения в качестве Музея янтаря и музея «Пятый форт».

Преобладающей цветовой гаммой открыток является сине-зеленая. Она получалась в первую очередь за счет представления Калининграда как городского сада. Зеленые насаждения играли важную роль при строительстве и планировании советских городов, особенно после войны. Они помогали скрыть недостатки и придать кварталам привлекательный вид. В советских пособиях по проектированию озеленение объявлялось делом государственной важности исходя из деклараций о заботе государства о гражданах [Семенов 1954], однако и в позднейших исследованиях этот мотив воспроизводится без критической дистанции (см., например: [Рапопорт 2013: 151–155]).

Законодательной властью был выработан и регламент озеленения. Так, к 1979 году «по действующим нормам более 50% всей городской территории должно быть занято зелеными насаждениями, причем в микрорайонах им отводится до 70% общей площади» [Рубцов 1979: 3]. В Калининграде, где активное строительство началось лишь в 1970-е годы, активно внедрялась практика заполнения пространства, пустующего после расчистки развалин. Кроме того, зеленые массивы на открытках, будь то скверы, снятые с точки среднего человеческого роста, или панорама Нижнего озера с птичьего полета, максимально растворяли особенности местного городского ландшафта. Интересно также, что Верхние и Нижние озера, будучи первыми рукотворными объектами в Пруссии, довольно быстро стали советскими достопримечательностями [Баранова 2017: 103]. В коллекции они присутствуют начиная с первых открыток 1955 года. В итоге образ Калининграда приближался к типичному городу СССР с широкими проспектами, массивными общественными сооружениями и современным транспортом, а также привычными элементами природного ландшафта, включающего элементы земли и воды, в основном в виде парковых зон отдыха с водоемами.

Частая демонстрация видов города, созданных в рамках знакомого визуального канона, помогает зрителю включать аффективное переживание, когда изображения преодолевают функцию передачи одних лишь визуальных эффектов, намекая на их тактильное, слуховое и/или обонятельное сопровождение. Репрезентация перерастает здесь свое узкое значение, подключает ассоциативные ряды, связанные с современным городом, природой, естественностью, и в конечном счете с телесностью визуального опыта. Эти интегральные ощущения оказывают большее влияние на зрителя и лучше запоминаются [Rose 2014: 8].

Шире помогают раскрыть советский образ Калининграда фотоальбомы с видами города и иллюстрированная краеведческая литература. Чтобы позволить себе предварительные обобщения, мы рассмотрели пятнадцать изда-

ний, выпущенных в период с 1964 по 1990 год и посвященных Калининграду и окрестностям. Стоит заметить, что сравнительно поздняя верхняя рамка обусловлена поздним, в силу специфики региона, появлением первой научной работы по советскому периоду истории области [Колганова, Колганов 1959].

Уже в издании 1964 года декларируется, что у Калининграда есть «свой неповторимый облик», а также добавляется, что «каждый метр его территории — это новые здания, молодые сады, парки» [Малкова 1954: 2], хотя это, мягко говоря, пропагандистское преувеличение. Важно подчеркнуть, что фотографии именно из этого альбома послужили источником для главного открыточного набора 1960-х годов. Логично, что в отличие от сувенирной продукции альбом допускает разночтения в интерпретации объектов немецкого наследия. Так, выше упоминалось, что разительно выделяющийся на фоне Дома профсоюзов Кенигсбергский замок на одной из открыток 1965 года был полностью проигнорирован в описании. Но в альбоме ему, наоборот, уделено много места. Так, на шестой странице издания читаем: «...руины древнего замка сохранены как напоминание о прошлом города, о днях суровых и грозных, как память о боях, отгремевших здесь в канун нашей великой Победы». К 1965 году была очевидна эскалация общественной дискуссии о судьбе замка, и в альбомах с их растущим год от года уровнем текстов ранее закрытая тема постепенно допускается к обсуждению [Фостова 2015]. Можно, конечно, объяснить скупость комментариев к открыткам их скромным форматом и «безличным» происхождением — ленинградское издательство, в отличие от местного, вряд ли могло быть сильно мотивировано на интерпретацию немецкого наследия. Однако уже спустя два года и калининградские издания вынуждены были снова пересмотреть список объектов, допустимых к публикации. Включение информации о Кенигсбергском замке и его изображения в «Путеводителе по Калининграду» супругов Колгановых и писателя Ю. Иванова сочли «серьезным браком»⁶, выпущенный тираж был изъят, а набор рассыпан. Инерция оттепели заканчивалась самым очевидным образом.

В целом изображения в фотоальбомах служили иллюстрацией к последовательному нарративу о непрекращающемся строительстве Калининграда, подчеркнутой преданности его жителей идее созидания. Обычно вслед за историями преобразования городского пространства шел блок фотографий, отражающий успехи мореходства и рыбной промышленности. В книге 1966 года прямо писалось, что трудовой облик города определяет прежде всего рыбная промышленность [Левит, Смех 1966: 5]. Калининград также назывался «городом трех портов» [Михайлова 1985: 18]. Действительно, в этом сегменте советская экономика достигла больших успехов, во много раз обогнав рост отрасли в довоенное время. Был существенно расширен ареал рыбодобычи, ее виды и лов превратился из сезонного в круглогодичный.

Далее в альбомах шла демонстрация успехов в вагоностроении, целлюлозном производстве, янтарной промышленности и только потом располагались культурные и спортивные учреждения и достопримечательности: театры, библиотеки, кинотеатры, стадионы и бассейны. Некоторые из фотографий были также использованы на открытках.

О цензурировании альбомных изданий говорит случай с очередным стереотипным изданием «Калининград», где в процессе верстки «была снята

6 ГАКО. Ф. Р-300. Оп. 3. Д. 182. Л. 11.

фотография, на которой было изображено “типичное немецкое здание в готическом стиле» [Дементьев 2016: 104] — в советскую эпоху оно было приспособлено под обком партии и облизполком и впоследствии спокойно появилось в наборе открыток 1975 года.

Характерной чертой альбомов является их ориентация на образ человека, что отражает характерное для официальной риторики эпохи застоя варьирование принципа «Все во имя человека, для блага человека», который Хрущев формулирует еще в 1961 году и который без изменений доживает до распада СССР в качестве витрины советского гуманизма [McQuillen 2018]. Благодаря формату в альбоме помещалось в разы больше визуального материала, чем в наборы открыток, имевшие всесоюзное хождение при поддержке Бюро путешествий и экскурсий. Поэтому альбомы не только знакомили с обликом города и края, но и создавали атмосферу повседневности, организованной с целью «удовлетворения материальных и культурных потребностей советских граждан»⁷.

Важным является также вопрос: для кого издавались эти альбомы? По общению киоскера книготорга Фроловой, работавшей на вокзале в 1960-е годы: «Приходит много туристов, спрашивают литературу о Калининграде. Мы два раза в неделю получаем литературу местного издательства, и вся она расходуется»⁸. Тем не менее представляется справедливым и утверждение историка В.Н. Маслова, который считает, что позитивный образ региона и связанные с ними «устойчивые ассоциации в условиях закрытости области предназначались в основном для калининградцев» [Маслов 2016: 33]. В самом деле, информационная засуха, в условиях которой регион продолжал оставаться на протяжении всей послевоенной эпохи, лишь подогревалась туристическим спросом.

Помимо рассмотренных каналов конструирования и трансляции образа города следует обратить внимание на любительскую фотографию эпохи застоя, которая также помещает человека в центр внимания. Общим местом считается представление о том, что фотография «сделала повседневность предметом рефлексии и эстетического удовольствия, обратила интерес человека с высших субстанций к их выражению в структурах и формах обыденного, повлияла на способ этого выражения» [Дубровская 2012: 46]. Подобным же образом любительская фотография позволяет проследить, как преломлялся (и преломлялся ли) визуальный образ города в материалах, которые создавались членами семьи для распространения и показа главным образом внутри своей референтной группы. На первый взгляд, такой узкий круг реципиентов не является значительным, однако даже набор из нескольких семейных фотоальбомов существенно меняет оптику.

Одним из ресурсов аккумуляции и продвижения семейной хроники является проект Центра социально-гуманитарной информатики Балтийский федеральный университет им. И. Канта «Калининградский народный фотоальбом»⁹. Цифровой архив был создан на волне постепенного признания визуальных подходов к методологии истории. Он состоит из архивных семейных фотографий советской повседневности, в том числе изображений администра-

7 Программа Коммунистической Партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1967.

8 ГАКО. Ф. Р-300. Оп. 3. Д. 182. Л. 7.

9 <https://photomemory.kantiana.ru> (дата обращения: 20.02.2022).

тивных и общественных пространств Калининградской области (подробнее о принципах организации архива см.: [Баранова 2019: 400]).

Из 1161 фотографии, опубликованной на сайте, мы выделили 118 изображений советского Калининграда, отражающих архитектурный ландшафт города, архитектуру и городскую скульптуру. Распределение фотографий по десятилетиям соответствует тенденции к распространению фототехники среди рядовых граждан. На протяжении нескольких десятилетий руины и пустующие территории вокруг них были отличительной чертой городского пространства Калининграда. Любительские снимки это подчеркивают, в отличие от официальных, стремившихся скрыть неухоженность. Яснее всего видна руинированность города на фотографиях 1940—1960-х годов, но и в 1970—1980-х годах развалины остаются значимым фоном любительской фотографии.

Законсервированные стены Кафедрального собора, например, с самого появления области стали магнитом как для туристов, так и для жителей города, которые фотографировались с ними во время прогулок и по торжественным случаям. Пейзажи с так называемыми развалками оказывались непосредственным объектом съемки примерно в четверти случаев, в основном они оставались на втором плане и служили не более чем декорацией для человека, что отличает снимки из частных коллекций от альбомов и открыток. К формальным признакам любительского фото следует также отнести съемку без штатива и учета световых условий, стремление к формированию композиции кадра вокруг одного здания, без демонстрации панорамы.

По некоторым фотографиям разных лет и авторства возможно детально проследить судьбу конкретных зданий. Классическим примером является Королевский замок. Существенно разрушенный англо-американской авиацией в 1944 году, он доминировал в центре на протяжении более двадцати лет. Ранжированные хронологически, любительские фотографии руин замка 1960-х демонстрируют их постепенную ликвидацию с восточной стороны: исчезает остов здания Уинфрида, башня Хабертурм, часть северной стены, западные контрфорсы. Фотографии 1969 года запечатлевают только то, что осталось от самой знаменитой руины города – груды осколков кирпича, земли и песка, опоясанные бывшими каменными террасами.

Любительские фотографии также обнаруживают усвоение официально тиражируемых достопримечательностей — люди снимаются на фоне так называемого Мемориала 1200 гвардейцам, погибшим в числе 3700 советских солдат, штурмовавших Кенигсберг в апреле 1945 года, на Пятом форту (так в городе называют руины форта в честь короля Фридриха Вильгельма III, где с 1979 года работает музей штурма крепости), а также на площади Победы и по линии главных магистралей города — проспекта Мира и Ленинского проспекта.

Вместе с тем архивные фотографии расширяют горизонт репрезентации городского пространства и знакомят с непарадными, не всегда благоустроенными улицами и дворами, а также рядовыми немецкими домами, уцелевшими после войны, что способствует «трансформации видения путем включения ранее не замеченного» [Карбасова 2013].

Таким образом, видовые открытки, фотоальбомы и любительские фотографии являются важным источником формирования и коррекции образа Калининграда и представления о городском ландшафте. Вечный антагонизм между советским и немецким порождался политикой «изгнания прусского духа», пришедшей из послевоенного времени. На контрасте с немецким про-

шлым калининградское настоящее выставлялось современным и неуклонно развивающимся. За соблюдением акцентов, призванных демонстрировать зрителю «молодой цветущий край», следили цензурные органы.

Открытки и альбомы представляют собой элемент пропагандистской системы, направленной на создание советской идентичности. Официальные изображения города были типизированы и работали на освоение трофейного города, присвоение «чужого» культурного наследия и интеграцию далекой области в общее советское пространство. Кроме того, очевидны доминанты, изображавшиеся на открытках: просторные зеленые улицы как символ передового строительства, общественные, культурные и спортивные строения как символ социальных приоритетов государства, виды транспорта как символ технического прогресса и технологической оснащенности. Фотоальбомы расширяли спектр успехов, буквально перечисляя причины для гордости. Все, что не работало на пропаганду экономических, культурных и спортивных достижений, и в первую очередь активное искореняемое немецкое наследие, по возможности нивелировалось.

Однако полностью игнорировать немецкий культурный слой было невозможно. Это подтверждают любительские фото, чьи авторы, действуя в официальных координатах, бессознательно расширяли репертуар изображаемых объектов за счет беспрестанно стираемых и все же проступающих следов немецкой культуры, которая и сегодня напоминает о себе в Калининграде на каждом шагу.

Библиография / References

- [Баранова 2017] — Баранова Е.В. Видовые открытки Калининграда как источник для изучения городского благоустройства // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Д.В. Манкевич. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. Вып. 10. С. 95—109.
- (Baranova E.V. Vidovye otkrytki Kaliningrada kak istochnik dlya izucheniya gorodskogo blagoustroystva // Retrospektiva. Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovateley: Coll. of sci. art. / Ed. by D.V. Mankevich. Kaliningrad, 2017. Iss. 10. P. 95—109.)
- [Баранова 2018] — Баранова Е.В. Формирование образа Калининграда 1940-х годов на примере анализа фотографий «Калининградской правды» // Калининградские архивы: материалы и исследования: Сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. Вып. 15. С. 128—136.
- (Baranova E.V. Formirovaniye obraza Kaliningrada 1940-kh godov na primere analiza fotografiiy "Kaliningradskoy pravdy" // Kaliningradskie arhivy: materialy i issledovaniya: Coll. of art. / Ed. by V.N. Maslov. Kaliningrad, 2018. Iss. 15. P. 128—136.)
- [Баранова 2019] — Баранова Е.В. Особенности создания цифровых архивов семейных фотографий и работы с ними: на примере проекта «Калининград советский. Народный фотоальбом» // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. / Отв. ред. А.Г. Голиков. М.: Изд-во Института научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 398—407.
- (Baranova E.V. Osobennosti sozdaniya tsifrovyykh arhivov semeynyykh fotografiiy i raboty s nimi: na primere proekta "Kaliningrad sovetskiiy. Narodnyy fotoal'bom" // Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: Coll. of art. / Ed. by A.G. Golikov. Moscow, 2019. P. 398—407.)
- [Бродерзен 2006] — Бродерзен П. «Много прекрасных мест и зданий». Калинин-

- град как туристический объект в 1950—1971 гг. // Калининградской области 60: этапы истории, проблемы развития: Сб. ст. / Ред. В.Н. Маслов. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 106—117.
- (Broderzen P. "Mного prekrasnykh mest i zdaniy". Kaliningrad kak turistichekii ob"ekt v 1950—1971 gg. // Kaliningradskoy oblasti 60: etapy istorii, problemy razvitiya: Coll. of art. / Ed. by V.N. Maslov. Kaliningrad, 2006. P. 106—117.)
- [Дементьев 2016] — Дементьев И.О. Цензура как институт политики памяти в Калининградской области советского периода // Калининградские архивы: материалы и исследования: Сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. Вып. 13. С. 98—110.
- (Dement'ev I.O. Tsenzura kak institut politiki pam'yati v Kaliningradskoy oblasti sovetskogo perioda // Kaliningradskie arhivy: materialy i issledovaniya: Coll. of art. / Ed. by V.N. Maslov. Kaliningrad, 2016. Iss. 13. P. 98—110.)
- [Дубровская 2012] — Дубровская Е.А. Фотография как способ отражения повседневности // Человек в мире и культуре. 2012. № 4. С. 43—46.
- (Dubrovskaja E.A. Fotografija kak sposob otrazheniya povsednevnosti // Chelovek v mire i kul'ture. 2012. № 4. P. 43—46.)
- [Карбасова 2013] — Карбасова Е.Б. Фотография: концептуализация реальности: Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2013 (<http://www.dissercat.com/content/fotografiya-kontseptualizatsiya-realnosti> (дата обращения: 20.02.2022)).
- (Karbasova E.B. Fotografija: kontseptualizatsiya real'nosti: PhD thesis. Saint Petersburg, 2013 (<http://www.dissercat.com/content/fotografiya-kontseptualizatsiya-realnosti> (accessed: 20.02.2022)).)
- [Колганова, Колганов 1959] — Колганова Э., Колганов И. Самая западная. Краткий очерк о Калининградской области. Калининград: Калининград. кн. изд-во, 1959.
- (Kolganova E., Kolganov I. Samaya zapadnaya. Kratkiy ocherk o Kaliningradskoy oblasti. Kaliningrad, 1959.)
- [Коновалов 1967] — Коновалов Н.С. Самая западная, орденоносная // Продолжение подвига / Сост. В.А. Кратюк. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1967. С. 3—16.
- (Konovalov N.S. Samaya zapadnaya, ordenonosnaya // Prodolzhenie podviga / Comp. by V.A. Kratyuk. Kaliningrad, 1967. P. 3—16.)
- [Коротких, Попов 1978] — Коротких В.Ф., Попов С.И. Дорогами янтарного края: Спутник туриста. Калининград: Кн. изд-во, 1978.
- (Korotkih V.F., Popov S.I. Dorogami yantarnogo kraja: Sputnik turista. Kaliningrad, 1978.)
- [Костяшов 2009] — Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009.
- (Kostjashov Ju.V. Sekretnaya istoriya Kaliningradskoy oblasti. Ocherki 1945—1956 gg. Kaliningrad, 2009.)
- [Кретинин 2015] — Кретинин Г.В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945—1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 12. С. 61—66.
- (Kretinin G.V. Ob istokakh formirovaniya istoricheskoy pam'yati zhitel'ey Kaliningradskoy oblasti (1945—1960) // IKBFU's Vestnik. Humanities and social science. 2015. № 12. P. 61—66.)
- [Левит, Смех 1966] — Калининград. Иллюстрированный альбом / Сост. Я. Левит, М. Смех. Калининград: Калининград. кн. изд-во, 1966.
- (Kaliningrad. Illyustrirovannyi al'bom / Comp. by Ya. Levit, M. Smekh. Kaliningrad, 1966.)
- [Малкова 1954] — Калининград / Ред. И. Малкова. Калининград: Калининград. кн. изд-во, 1954.
- (Kaliningrad / Ed. by I. Malkova. Kaliningrad, 1954.)
- [Манюк 2015] — Манюк Е.С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945—1950-е гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015.
- (Manjuk E.S. Sovetskoe gradostroitel'stvo v byvshey Vostochnoy Prussii (Kaliningrad i Klaipeda v 1945 — 1950-e gg.): PhD thesis. Kaliningrad, 2015.)
- [Маслов 2016] — Маслов В.Н. Образ Калининградской области на страницах газеты «Калининградская правда» советского времени // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. С. 25—35.
- (Maslov V.N. Obraz Kaliningradskoy oblasti na stranitsakh gazety "Kaliningradskaya pravda" sovetskogo vremeni // IKBFU's Vestnik. Humanities and social science. 2016. № 3. P. 25—35.)
- [Михайлова 1985] — Знакомьтесь, Калининград! / Ред. А.П. Михайлова. Калининград: Калининград. кн. изд-во, 1985.
- (Znakom'tes', Kaliningrad! / Ed. by A.P. Mikhaylova. Kaliningrad, 1985.)
- [Овсянов 1997] — Овсянов А.П. В руинах старого замка. Калининград: Янтарный сказ, 1997.

- (*Ovsjanov A.P. V ruinakh starogo zamka. Kalinin-grad, 1997.*)
- [Рапопорт 2013] — *Рапопорт А.Г.* От зелени в городах к зеленым городам // Зеленая инфраструктура городской среды: Современное состояние и перспективы развития. М.: Конверт, 2013.
- (*Raport A.G. Ot zeleni v gorodakh k zelenym gorodam // Zelenaya infrastruktura gorodskoy sredy: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Moscow, 2013.*)
- [Рубцов 1979] — *Рубцов Л.И.* Проектирование садов и парков: Учеб. пособие для техникумов. М.: Стройиздат, 1979.
- (*Rubtsov L.I. Proektirovanie sadov i parkov: Text-book. Moscow, 1979.*)
- [Семенов 1954] — Озеленение советских городов. Пособие по проектированию / Ред. Г. Семенов. М.: ГИЛ по строительству и архитектуре, 1954.
- (*Ozeleneniye sovetsskikh gorodov. Posobie po proektirovaniyu / Ed. by G. Semenov. Moscow, 1954.*)
- [Сологубов 2011] — *Сологубов А.М.* Формирование образа Восточной Пруссии советской военной пропагандой и его использование в послевоенное время // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 12. С. 76—82.
- (*Sologubov A.M. Formirovanie obraza Vostochnoy Prussii sovetsskoy voennoy propagandy i ego ispol'zovanie v poslevoennoe vremya // IKBFU's Vestnik. Humanities and social science. 2011. № 12. P. 76—82.*)
- [Фостова 2015] — *Фостова С.А.* Дискуссия о судьбе Кенигсбергского замка и его разрушении в 1950—1960-е годы (Из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы: материалы и исследования: Сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 12. С. 179—204.
- (*Fostova S.A. Diskussiya o sud'be Kenigsbergskogo zamka i ego razrusheniya v 1950—1960-e gody (Iz fondov Gosudarstvennogo arhiva Kaliningradskoy oblasti) // Kaliningradskie arhivy: materialy i issledovaniya: Coll. of art. / Ed. by V.N. Maslov. Kaliningrad, 2015. Iss. 12. P. 179—204.*)
- [Яшин 1988] — *Яшин Л.* [Вступление для набора открыток] // Калининград: Изоматериал / Ред. Т. Елина. М.: Планета, 1988.
- (*Jashin L. [Vstuplenie dlya nabora otkrytok] // Kaliningrad: Izomaterial / Ed. by T. Elina. Moscow, 1988.*)
- [McQuillen 2018] — *McQuillen C.* Human Adaptation on Late-Soviet Environmental Science Fiction // The Human Reimagined. Post-Humanism in Russia / Ed. by C. McQuillen, J. Vanguard. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 99—113.
- [Rose 2014] — *Rose G.* Visual Culture, Photography and the Urban: An Interpretive Framework // Space and Culture, India. 2014. Vol. 2. P. 5—13.